

Автор Тихонов Максим

СТАЛЬ

ДАН

Параллельный мир

Максим Тихонов

Сталь души

«Автор»

2026

Тихонов М.

Сталь души / М. Тихонов — «Автор», 2026 — (Параллельный мир)

Падение древней печати изменило мир. Магия стала сильнее, природа начала пробуждаться, а вместе с ней — то, что слишком долго оставалось скрытым. Алексей Орлов возвращается в столицу Крыма, чтобы выполнить приказ и привести армию к осаждённому Чернобылю. Но за время его отсутствия всё изменилось: войска подчинены другому командованию, князь Волков не собирается уступать, а из Москвы приходят распоряжения, цена которых становится всё страшнее. Наташа хранит тайну, способную изменить их будущее. Жнец оказывается не тем чудовищем, каким его считали. А среди заброшенных заводов пробуждается нечто, созданное для войны, которая так и не началась. Теперь Алексей должен решить, чем готов пожертвовать ради победы. Ведь иногда душу ломает не поражение. А цена, заплаченная за спасение.

Содержание

Пролог. Кровь наследника	5
Арка первая. Право силы	16
Глава 1. Возвращение	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Максим Тихонов

Сталь души

Пролог. Кровь наследника

— Разумное решение, — произнёс Марвин.

Он не улыбнулся и не попытался закрепить победу очередной угрозой. Просто провёл когтем по обсидиановой столешнице.

Изображение запечатанного ядра исчезло. Вместе с ним погасли остальные экраны: храмы Умбриса, изменённые приказы, последние записи Лавии. Стеклойные стены кабинета потемнели, превратившись в сплошные чёрные плиты.

Тишина стала почти полной.

Умбрис остался в кресле.

— Где печать?

— Не здесь.

Марвин поднялся. Его крылья расправились ровно настолько, чтобы не задеть высокий свод, и снова сложились за спиной.

— Идём.

— Я сказал, что дам одну каплю. Не соглашался спускаться в неизвестную дыру.

— Центральное ядро невозможно поднять в мой кабинет.

— Удивительная недоработка.

— Архив строили не ради твоего удобства.

Марвин подошёл к дальней стене и приложил ладонь к гладкому стеклу. По чёрной поверхности разошлись шесть тонких линий — по одной от каждого глаза. Они соединились в сложный знак.

Стена раскрылась.

За ней не оказалось привычной двери или коридора. Только круглая площадка без ограждения и уходящая вниз шахта.

Её глубина терялась во мраке.

По стенам шахты медленно двигались кольца символов. Одни поднимались вверх, другие опускались, третьи вращались на месте. Между ними вспыхивали короткие цепочки приказов, имён и обозначений миров. Архив продолжал работать даже здесь, далеко от залов, в которых служащие делали вид, будто понимают его устройство.

Марвин ступил на площадку.

Умбрис не последовал за ним сразу.

У двери кабинета по-прежнему стоял Кайро. Золотое сияние архивариуса стало слабее, но взгляд оставался внимательным.

— Он тоже идёт? — спросил Умбрис.

— Нет.

— Почему?

— У него недостаточный уровень доступа.

Кайро не показал недовольства. Только склонил голову.

— Я дождусь вашего возвращения, господин Марвин.

— Разумеется.

Марвин посмотрел на Умбриса.

— Или ты передумал?

— Идем.

Умбрис поднялся и вошёл на площадку.

За его спиной стена сомкнулась. Последним, что он увидел, стало неподвижное лицо Кайро.

Площадка пошла вниз.

Без толчка и скрежета. Пол остался неподвижным, а стены поплыли вверх, будто сама шахта двигалась вокруг них.

Первые несколько уровней Умбрис узнавал. Хранилища оперативных докладов. Залы связи. Секторы наблюдения за отражёнными мирами. Здесь по узким мостам ходили архивариусы, между колоннами перемещались живые свитки, а в прозрачных камерах мерцали фрагменты чужих воспоминаний.

Ниже начались закрытые уровни.

Сначала исчезли служащие. Затем мосты и двери. Остались только чёрные стены, покрытые символами, которые Умбрис не мог прочесть.

Это раздражало.

Он знал десятки мёртвых языков, понимал ритуальные системы нескольких пантеонов и мог отличить настоящее божественное письмо от жалкой человеческой подделки. Но эти знаки не складывались в слова. Взгляд скользил по ним, не удерживая смысла.

— Защита от чтения? — спросил он.

Марвин стоял у края площадки, сложив руки за спиной.

— От запоминания.

Умбрис снова посмотрел на стены. Теперь он понял: символы не скрывали значение. Они не позволяли разуму сохранить увиденное. Стоило отвести взгляд, и в памяти оставались лишь пустые очертания.

— Боишься собственных подчинённых?

— Я достаточно долго управляю Архивом, чтобы бояться всех.

— Даже Отца?

Марвин не повернул головы.

— Особенно тех, кто называет себя отцами.

Площадка продолжила спуск.

Тени вокруг Умбриса становились всё слабее. Он попытался протянуть одну из них к стене, но она не подчинилась. Чёрная полоса отделилась от его ноги, прошла несколько сантиметров и распалась, будто забыла, зачем появилась.

Умбрис нахмурился.

— Здесь подавляется магия.

— Нет. Она возвращается к владельцу.

— Моя не вернулась.

— Значит, решила, что ты обойдёшься.

Умбрис покосился на Марвина.

— За пределами кабинета ты становишься почти забавным.

— А ты почти уязвимым.

Площадка остановилась.

В стене перед ними открылся проход. За ним находился узкий мост, перекинутый через бездонное пространство.

Здесь не было ни потолка, ни различных стен. Только мрак, внутри которого медленно вращались огромные кольца. Некоторые проходили совсем близко к мосту, другие казались далёкими, как орбиты небесных тел. По их поверхности двигались знаки, вспыхивали имена и тут же исчезали.

В центре висело ядро.

Огромный многогранник из совершенно чёрного материала. Он не отражал свет и не отбрасывал тени. Вокруг него вращались три серебряных кольца, соединённые тонкими нитями силы. Каждое движение сопровождалось едва заметной дрожью моста.

Под ядром находилась небольшая круглая площадка. Посередине стояла чаша из серого металла.

К ней и вёл мост.

Умбрис сделал первый шаг.

Звук не возник.

Он посмотрел под ноги и ударил каблуком по поверхности. Никакого эха. Даже самого удара почти не было слышно.

— Что это за место?

— Нулевая камера.

— О ней нет сведений даже в закрытых разделах Архива.

— Иначе она называлась бы не Нулевой.

Марвин пошёл вперёд.

Их шаги умирали сразу после прикосновения к мосту. Здесь не задерживался звук, не сохранялись магические следы и не возникали отпечатки мыслей. Даже присутствие Марвина ощущалось слабее, хотя он шёл всего в нескольких шагах.

Умбрис попытался запомнить путь назад.

Семнадцать шагов до первого кольца. Ещё двадцать три до поворота. Затем прямая часть моста.

Через несколько секунд числа исчезли из памяти.

Он остановился.

— Это место стирает не только магические следы.

Марвин тоже остановился, но не обернулся.

— Камера не позволяет вынести её устройство. Всё, что ты увидишь здесь, останется с тобой только до выхода.

— А разговор?

— Слова запомнишь. Записать их, передать через заклинание или извлечь из твоего сознания будет невозможно.

— Даже Анубису?

Марвин повернул нижнюю пару глаз.

— Если твой отец войдёт сюда лично, камера признает его присутствие. Но слушать снаружи не сможет даже он.

Умбрис посмотрел на чёрное ядро.

Теперь многое становилось понятнее.

Марвин привёл его не просто к запечатанной системе. Он выбрал единственное место во всём Лимберисе, где разговор нельзя было записать, подслушать или позднее восстановить.

Место, где операционный директор Теневого Архива мог говорить правду.

Или лгать без свидетелей.

— Удобная комната, — произнёс Умбрис.

— Иногда.

Они дошли до центральной площадки.

Вблизи ядро оказалось ещё больше. Чёрный многогранник медленно пульсировал, словно внутри него билось сердце. При каждой вспышке по серебряным кольцам пробегала волна тёмно-красного света.

Умбрис почувствовал собственную кровь.

Не движение в венах и не биение сердца. Глубже. Сама родовая сила откликнулась на устройство. Что-то внутри ядра узнало наследника Анубиса и теперь ждало.

Марвин подошёл к металлической чаше.

— Положи ладонь сюда.

На дне чаши находилась узкая прорезь. Вокруг неё тянулись концентрические линии, соединённые с первым серебряным кольцом.

Умбрис не двинулся.

— Мы договаривались об одной капле.

— Договаривались.

— Тогда зачем мне класть ладонь в устройство, предназначенное для прямого забора крови?

Марвин посмотрел на чашу, словно впервые заметил её устройство.

— Ядру необходимо убедиться, что образец принадлежит тебе.

— Я сам внесу его.

— Это может нарушить чистоту проверки.

— Переживу.

Умбрис вытянул руку. На кончике указательного пальца появился тонкий коготь. Короткое движение рассекло кожу.

Выступила тёмная капля.

Она была почти чёрной, но в глубине медленно двигались красные искры. Даже такое малое количество крови наследника несло давление, от которого воздух над чашей задрожал.

Марвин следил за каплей всеми шестью глазами.

Слишком внимательно.

Умбрис позволил ей упасть.

Кровь коснулась металла и не растеклась. Прорезь втянула её внутрь.

Первое кольцо вокруг ядра остановилось.

По нему пробежал красный свет. Затем вспыхнуло второе. Знаки на его поверхности перестроились, сложившись в родовую печать Анубиса.

Третье кольцо осталось тёмным.

Марвин подождал.

Ничего не произошло.

— Недостаточно, — сказал он.

— Для открытия первого запрета хватило.

— Но ядро не может завершить проверку авторства.

— Значит, твоя система плохо работает.

— Или образец оказался слишком мал.

Марвин указал на чашу.

— Положи ладонь. Ядро возьмёт столько, сколько потребуется, и сразу закроет рану.

Умбрис наклонился над устройством.

Внешние символы действительно относились к проверке родства. Они распознавали наследственную силу и открывали доступ к защищённому слою.

Но под ними находился другой контур.

Тонкий. Почти полностью спрятанный внутри металла. Его линии шли не к запечатанному ядру приказов, а к третьему серебряному кольцу. Там они разделялись, создавая структуру накопления.

Чаша должна была не просто проверить кровь.

Она собиралась удержать её, отделить от воли владельца и сохранить родовую силу.

Умбрис выпрямился.

Рана на пальце уже закрылась.

— Ты забыл показать мне внутренний контур.

Марвин не шевельнулся.

— Он относится к работе ядра.

— Он относится к накоплению божественной крови.

— Одно другому не мешает.

Тени у ног Умбриса попытались подняться, но Нулевая камера сразу прижала их к мосту. Красный свет в его глазах стал ярче.

— Мы договаривались об одной капле.

— Которой оказалось недостаточно.

— Ты знал это до того, как мы спустились.

Марвин молчал.

— Печать открылась, — продолжил Умбрис. — Родство подтверждено. Для проверки приказов больше ничего не требуется. Тебе нужна моя кровь не ради ядра.

Все шесть глаз Марвина остановились на нём.

Привычное выражение вежливого превосходства исчезло. Не постепенно. Словно директор просто снял ненужную маску.

— Да, — произнёс он.

Прямой ответ оказался неожиданнее очередной лжи.

— Наконец-то, — сказал Умбрис. — А я уже начал бояться, что ты продолжишь изображать честного служащего.

— Здесь в этом нет необходимости.

— Тогда говори.

Марвин подошёл к чаше и положил когтистые пальцы на её край.

— Дай мне кровь.

— Я уже дал.

— Не каплю для открытия замка. Мне нужен полноценный образец, способный удерживать родовую сигнатуру после отделения от тебя.

— Для чего?

Марвин поднял голову.

— Для оружия.

Третье кольцо вокруг ядра медленно повернулось. По его краю прошёл красный отблеск и исчез.

Умбрис несколько секунд смотрел на директора.

— Против меня?

— Нет.

— Против моих братьев и сестер?

— Они меня не интересуют.

— Тогда назови имя.

Марвин ответил без паузы:

— Анубис.

В Нулевой камере не возникло эха. Имя бога умерло сразу после произнесения и не покинуло центральную площадку.

И всё же Умбрис невольно посмотрел на вращающиеся кольца.

Ничего не изменилось.

Отец не слышал.

Марвин тоже это понимал.

— Ты служишь ему, — сказал Умбрис.

— Архив сотрудничает с ним.

— Удобная формулировка.

— Точная.

— Анубис считает Теневой Архив своим.

— Анубис многое считает своим.

В голосе Марвина впервые появилась настоящая эмоция. Не страх и не ненависть. Усталость существа, слишком долго вынужденного изображать покорность.

— Миры, культы, армии, знания, судьбы собственных детей, — продолжил он. — Пока что-то приносит пользу, твой отец позволяет этому существовать. Когда польза заканчивается, он не уничтожает сразу. Сначала предлагает новое назначение.

— И ты боишься, что однажды он найдёт новое назначение для тебя?

— Я не привык доверять собственную жизнь чужому хорошему настроению.

Умбрис тихо рассмеялся.

— Значит, великий операционный директор решил защититься от своего покровителя.

— Я решил подготовиться к ситуации, которая может никогда не наступить.

— Так обычно называют заговор до первого ареста.

— А ты называешь свои действия на Земле иначе?

Умбрис перестал улыбаться.

Марвин продолжил:

— Я не в восторге от твоих планов. Ты создал культ, перенаправил потоки веры, подменил приказы и фактически объявил целый мир собственной территорией. Ты действуешь импульсивно, самоуверенно и временами настолько небрежно, что мне приходится сомневаться в твоём родстве с Анубисом.

— Ты привёл меня сюда, чтобы оскорбить?

— Чтобы предложить сделку.

Марвин указал на ядро.

— Твоя кровь несёт часть закона Отца, но свободна от его прямой воли. С её помощью можно настроить защитный контур на силу Анубиса. Возможно, создать оружие. Возможно, только барьер, способный выдержать один удар. Я пока не знаю.

— Очень обнадеживает.

— Я не собираюсь нападать на него.

— Пока.

— Пока он не нападёт на меня.

Умбрис медленно прошёл вокруг чаши.

Мысли выстраивались одна за другой.

Марвин не мог взять кровь силой. Не здесь и, вероятно, нигде. Кровь наследника сохраняла родовую сигнатуру только при добровольной передаче. Если вырвать её насильно, она либо теряла часть свойств, либо начинала сопротивляться чужой воле.

Поэтому директор устроил представление.

Лавия. Храмы. Подменённые приказы. Угроза обратиться к Отцу. Согласие на одну каплю. Спуск в ядро. Чаша, которая должна была незаметно взять больше.

Марвин просчитал почти всё.

Только в последний момент решил перестать лгать.

— Почему я должен вооружать тебя против собственного отца?

— Потому что сам готовишься выступить против него.

— Я защищаю Землю.

— Разумеется. Все мятежники начинают с защиты чего-нибудь достаточно важного.

— А заканчивают?

— Зависит от того, кто пишет отчёт.

Умбрис остановился напротив Марвина.

— Что я получу?

— Время.

— Слишком расплывчато.

— Тогда точнее. Я не передам Отцу сведения о твоём культе. Не стану раскрывать перенаправление веры и изменение приказов. Проверка ядра будет признана незавершённой из-за повреждения внутреннего контура.

— Который ты сам и создал.

— В отчёте это будет несущественно.

— А Кайро?

— Продолжит наблюдение, но получит другие приоритеты. Его доклады будут проходить через меня.

— Осипов уже открыл настоящий канал Анубиса в Озёрске.

— Я могу задержать его развитие.

Умбрис прищурился.

— Уничтожить?

— Нет. Исчезновение канала заметят. Но я могу ограничить объём силы, исказить оценку числа последователей и убедить Отца, что культ остаётся незначительным.

— До какого момента?

Марвин впервые отвёл нижнюю пару глаз к ядру.

— Пока смогу делать это, не объявив открыто о собственном неповиновении.

— То есть до первой серьёзной проверки.

— Возможно.

— Или до того дня, когда решишь, что моя кровь дороже сделки.

— Поэтому я предлагаю клятву.

Марвин отошёл от чаши.

— Я поклянусь, что полученная здесь кровь не будет использована против тебя лично. Ни для нападения, ни для подчинения, ни для поиска твоих слабостей. Я не стану применять её для разрушения твоих храмов, вмешательства в твои каналы или передачи сведений о твоих действиях Анубису.

— И будешь скрывать мой бунт.

— Пока это остаётся возможным без моего открытого выступления против Анубиса.

— Слишком удобная оговорка.

— Честная.

Умбрис посмотрел на чашу.

Сделка была опасной.

Марвин получал возможность создать защиту от Анубиса. Или оружие, способное ранить его. Если директор солгал хотя бы в одной части, кровь могла однажды обернуться против самого Умбриса.

Но отказ означал другое.

Марвин поднимет обвинения выше. Отец узнает о культе, изменённых приказах и Земле. После этого времени действительно не останется.

— Сколько крови тебе нужно?

Марвин указал на третье кольцо.

— До завершения внутреннего контура.

— Это не количество.

— Я не знаю точного объёма. Кровь наследников различается по плотности силы.

— Тогда установим предел.

— Какой?

— Двадцать капель.

Марвин едва заметно покачал головой.

— Недостаточно.

— Ты только что утверждал, что не знаешь.

— Но знаю, что двадцати не хватит.

— Пятьдесят.

— Мне нужен устойчивый образец, а не возможность проверить происхождение.

— Сто.

Марвин задумался.

— Чаша должна замкнуть третье кольцо. Если оно не завершится после ста капель, проверку прекращаем.

— И вся кровь остаётся связана клятвой.

— Да.

— Никаких копий.

— Защитный контур потребует разделения образца.

— Это и будут копии.

— Тогда сформулируем иначе: ни одна часть крови, её энергии или воспроизведённой сигнатуры не покинет систему, связанную клятвой.

Умбрис медленно кивнул.

— Произнеси.

Марвин расправил крылья.

Шесть глаз закрылись одновременно.

В Нулевой камере стало темнее. Серебряные кольца вокруг ядра остановились одно за другим. Чаша поднялась над площадкой, удерживаемая тонкими красными нитями.

Когда Марвин заговорил, его голос не стал громче. Но каждое слово обрело вес.

— Я, Марвин, операционный директор Теневого Архива, добровольно принимаю условия этой сделки.

На его груди появилась первая чёрная линия.

— Кровь, переданная мне Умбрисом, сыном и наследником Анубиса, не будет использована прямо или косвенно для причинения ему вреда, подчинения его воли, ограничения силы, поиска уязвимостей или разрушения созданных им связей.

Вторая линия пересекла первую.

— Она не станет средством наблюдения за ним, его храмами, последователями и операциями на Земле. Полученные с её помощью знания не будут переданы Анубису или его прямым слугам.

Третья линия замкнула знак.

— Пока это не потребует моего открытого выступления против Анубиса, я буду скрывать действия Умбриса на Земле, задерживать расследование его культа и препятствовать передаче доказательств Отцу.

Марвин открыл глаза.

— Взамен кровь может быть использована для создания защиты или оружия против Анубиса. И только против него.

Умбрис поднял руку.

— Добавь: она не может быть использована против меня, даже если я встану между тобой и Отцом.

Марвин долго смотрел на него.

— Ты уже планируешь оказаться между нами?

— Я планирую не оставлять тебе лазеек.

— Хорошо.

Чёрный знак на груди Марвина вспыхнул.

— Кровь не будет использована против Умбриса ни при каких обстоятельствах, даже если он выступит на стороне Анубиса.

Клятва замкнулась.

Пространство вокруг Марвина на мгновение сжалось. Чёрные линии ушли под кожу, оставив на груди тусклый знак. Если он нарушит слово, клятва ударит не по телу.

Она уничтожит его истинное имя.

Даже бессмертные относились к таким условиям серьёзно.

— Теперь ты, — сказал Марвин.

— Я не обещал клятву.

— Только добровольную передачу.

Умбрис подошёл к чаше.

Он ещё мог отказаться.

Марвин не смог бы его остановить без открытого конфликта. Обвинения уйдут к Отцу, начнётся расследование, возможно, война. Но кровь останется при нём.

Умбрис подумал о Земле.

О храмах, которые уже носили его знак. О людях, веривших, что чёрный волк защитит их от тварей и чужих богов. Об Анатии, которую он привязал к этому миру. Об алтаре Анубиса в Озёрске.

О времени, которого становилось всё меньше.

Он положил ладонь в чашу.

Металл оказался холодным.

Из прорези вышла тонкая игла и вошла в кожу. Боли почти не было, но Умбрис почувствовал, как устройство коснулось не только плоти. Оно нашло родовую силу и осторожно потянуло её наружу.

Первая капля упала на дно.

Затем вторая.

Третья.

Кровь не растекалась. Она поднималась в воздух и собиралась в небольшую чёрно-красную сферу. Внутри неё двигались тени, иногда складываясь в очертания шакальей головы.

Первое серебряное кольцо вспыхнуло.

На десятой капле ожило второе.

На двадцатой по площадке прошла дрожь.
Умбрис не сводил взгляда с Марвина. Тот стоял неподвижно, однако все его глаза следили за кровью.

Тридцать.

Сорок.

Сфера увеличивалась медленно. Физически крови было немного, но давление внутри Нулевой камеры стало тяжёлым. Красные нити протянулись от чаши к третьему кольцу.

Пятьдесят.

На поверхности чёрного ядра появился силуэт огромного шакала.

Он открыл глаза.

Умбрис на мгновение почувствовал присутствие Отца.

Не самого Анубиса. Только отпечаток, живущий в крови каждого наследника. Даже этого хватило, чтобы Марвин напрягся, а его крылья плотнее прижались к спине.

Шестьдесят.

Семьдесят.

Третье кольцо начало замыкаться.

На восемьдесят третьей капле символы соединились.

Игла сразу вышла из ладони. Рана закрылась, но слабость осталась. Не телесная — более глубокая, похожая на пустоту после разорванной клятвы.

Чёрно-красная сфера поднялась к ядру.

Клятва на груди Марвина отозвалась вспышкой. Вокруг крови возникла оболочка из чёрных линий. Она не позволяла образцу изменить предназначение или покинуть оговорённую систему.

Сфера вошла в ядро.

Серебряные кольца снова начали вращаться.

— Восемьдесят три, — произнёс Умбрис. — Тебе повезло.

— Нам обоим.

— Не обольщайся.

Умбрис убрал руку от чаши.

— Если хотя бы часть этой крови окажется направлена против меня, клятва станет последней из твоих проблем.

— Если я нарушу её, у меня уже не останется возможности пережить из-за остальных.

Марвин снова выглядел спокойным. Почти прежним.

Но теперь Умбрис знал, что скрывается за этой маской.

Не верный управляющий Анубиса.

Не бесстрастный операционный директор.

Ещё один заговорщик, который слишком долго готовился к моменту, когда покровитель превратится во врага.

— А проверка подменённых приказов? — спросил Умбрис.

— Будет продолжена.

— Ты обещал скрывать мой бунт.

— Скрывать — не значит перестать искать правду.

Умбрис прищурился.

— Тебя всё ещё интересует Лавия?

Впервые за весь разговор Марвин ответил не сразу.

— Да.

— Даже после сделки?

— Сделка не оправдывает тебя и не возвращает мою сотрудницу.

Красный свет в глазах Умбриса стал ярче.

— Я её не убивал.

— Возможно.

— Ты получил мою кровь. Не испытывай терпение.

— А ты получил время. Не трать его впустую.

Несколько мгновений они стояли друг напротив друга.

Затем Марвин коснулся края чаши. Центральная площадка дрогнула, и за его спиной появился мост.

— Нам пора возвращаться.

— Боишься задержаться здесь со мной?

— Боюсь, что Кайро начнёт выполнять работу без нашего контроля.

Умбрис усмехнулся.

— Вот теперь прозвучало разумно.

Они пошли обратно.

За их спинами третье кольцо продолжало вращаться. Внутри чёрного ядра едва заметно пульсировала кровь наследника.

Нулевая камера не сохраняла разговоров.

Не записывала обещаний.

Не позволяла богам слышать произнесённые имена.

Но клятва уже существовала.

Марвин получил оружие, которое однажды могло защитить его от Анубиса.

Умбрис получил союзника, готового скрывать его бунт.

И оба прекрасно понимали: если этот союз раскроется, Отец уничтожит их по отдельности.

Поэтому теперь им придётся позаботиться о том, чтобы этого не произошло.

Хотя бы до тех пор, пока один из них не станет достаточно сильным, чтобы пережить его гнев.

Арка первая. Право силы

Глава 1. Возвращение

Столицу мы увидели после полудня.

Сначала над равниной показались наблюдательные башни. Затем проступила длинная линия укреплений: бетонные блоки, насыпи, противотанковые ежи и сваренные из металлических листов стены. За ними поднимались крыши домов, трубы мастерских и тонкие столбы дыма.

После гор, лесов и разрушенных дорог даже этот потрёпанный войной город выглядел почти мирным.

До него оставалось несколько километров.

За мной шли десять человек. Андрей, Наташа, Гарzog, Горзан, сержант Корнеев и пятеро уцелевших бойцов её экспедиции.

И где-то впереди нас должна была ждать армия численностью больше шестисот.

Если Волков выполнил приказ.

Дорога давно не использовалась для крупных колонн. Асфальт потрескался, обочины заросли, из водосточных канав тянулись молодые побеги. Некоторые успели пробить старое покрытие и теперь поднимались прямо посреди дороги.

Раньше я решил бы, что участок не ремонтировали несколько лет.

Но мы проходили здесь совсем недавно.

Тогда зелени было меньше.

— Она быстро растёт, — сказал Андрей, заметив, куда я смотрю.

Из трещины возле его сапога тянулся тонкий стебель с тёмно-зелёными листьями. Пока мы стояли, верхушка едва заметно повернулась в нашу сторону.

Не к солнцу.

К нам.

Андрей сделал шаг влево. Стебель медленно последовал за ним.

— Лёх, — позвал он. — Скажи, что мне кажется.

— Тебе кажется.

Андрей перешёл на другую сторону дороги.

Растение снова повернулось.

— Оно за мной следит.

— Возможно, ты ему понравился.

— Вот только этого мне не хватало. Сначала крылатые твари, теперь приставучая трава.

Горзан подошёл ближе и наклонился над побегом. Тот дрогнул и потянулся к его руке.

Валтори отдернул пальцы.

— Живое.

— Растения обычно живые, — напомнил Андрей.

— Это хочет проверить, съедобный ли я.

— Не переживай. Попробует и разочаруется.

Горзан выпрямился и посмотрел на него.

— Могу дать ему попробовать тебя.

Гарzog ударил брата ладонью по плечу и указал на дорогу.

— Оставь. Оно слишком слабое.

— Сейчас слабое, — заметил Корнеев.

Сержант присел возле края асфальта, не приближаясь к растению. В трещинах виднелись тонкие белые корни. Они не просто проросли сквозь покрытие, а собрались в плотный узел, похожий на незавершённую лапу.

— Раньше такого здесь не было, — сказал он.

Наташа остановилась немного в стороне. Чёрный посох был обернут плотной тканью и закреплён за спиной. Снаружи его можно было принять за длинное оружие или часть походного снаряжения, но даже через несколько слоёв материи я чувствовал исходящую от него силу.

Она тоже посмотрела на растение.

— Магический фон изменился, — произнесла Наташа. — Теперь подобное будет встречаться чаще.

— Из-за зиккурата? — спросил Андрей.

— Из-за уничтоженной печати.

Она сказала это спокойно, но пальцы сильнее сжали ремень посоха.

Магия вернулась в наш мир не сегодня. Первая печать исчезла гораздо раньше, когда я забрал меч. После этого начали появляться изменённые животные, артефакты, культы и существа, способные использовать силу.

Но печать посоха продолжала сдерживать часть общего потока.

Теперь исчезла и она.

Мир не получил магию заново. Он просто перестал удерживать то, что уже пыталось в него проникнуть.

— Может открыться разлом? — спросил Корнеев.

Гарзог покачал головой.

— Не здесь. Для устойчивых врат нужен узел силы. Место, где энергия собирается и не может уйти естественным путём. Здесь фон просто стал плотнее.

— И растения от этого начинают охотиться на людей?

— Пока оно заинтересовалось только Андреем.

— Отлично, — сказал тот. — Значит, у него хороший вкус.

Я продолжил движение.

— Не трогать неизвестные растения. Если увидите корни, способные передвигаться, обходить стороной и отмечать место на карте.

— Прикажешь стрелять, если трава попытается нас окружить? — спросил Андрей.

— Только короткими очередями. Боеприпасы ограничены.

— Наконец-то разумный подход к земледелию.

Несколько бойцов усмехнулись. После долгой дороги даже плохая шутка помогала идти дальше.

Я оглянулся на Наташу.

Она держалась в конце группы рядом с Егоровым и Титовым. Шла ровно, не жаловалась на усталость и почти не опиралась на посох. Внешне с ней всё было нормально.

Именно это беспокоило.

После зиккурата Наташа стала тише. Не холодной и не равнодушной — просто всё чаще уходила в себя. Иногда останавливалась посреди разговора, словно прислушивалась к чему-то. Потом замечала мой взгляд, улыбалась и делала вид, что ничего не произошло.

Посох предлагал ей простые решения.

Она сама призналась в этом.

Но так и не рассказала, что именно сказала Анатия перед освобождением.

Я замедлил шаг, позволяя остальным пройти вперёд. Когда Наташа поравнялась со мной, спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Нормально.

— Очень подробный ответ.

— Другого пока нет.

Она не остановилась. Мне пришлось идти рядом.

— Посох опять говорит?

— Он не разговаривает словами.

— Предлагает решения?

Наташа помедлила.

— Иногда.

— Какие?

— Сейчас никаких.

— А раньше?

Она посмотрела на дорогу.

— Лёш, мы это уже обсуждали.

— Нет. Ты сказала, что он показывает простые способы устранить угрозу. Это не то же самое, что рассказать, как он на тебя влияет.

— Я контролирую его.

— Все так говорят до того момента, когда перестают контролировать.

Наташа резко повернула голову.

— Ты сейчас о посохе или о себе?

Ответить сразу не получилось.

Возможно, потому что она попала точно.

Я арестовывал преступников, выполнял приказы Артура, использовал Скрижаль и оправдывал каждый новый риск необходимостью. Посоха у меня не было. Он мне и не требовался, чтобы находить объяснения собственным решениям.

— Обоих, — сказал я.

Наташа смягчилась.

— Я чувствую себя нормально. Лёд слушается. Огонь тоже. Посох не использовала с момента выхода из зиккурата.

— Если что-то изменится, скажешь?

— Скажу.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Обещаешь?

Она посмотрела на меня. Несколько секунд молчала, затем кивнула:

— Обещаю.

Наташа ускорила шаг и вернулась к остальным.

Я остался позади.

Андрей дождался меня у покосившегося дорожного знака.

— Всё плохо? — спросил он.

— С чего ты взял?

— Вы разговариваете так, будто каждый ответ нужно согласовывать с военным советом.

— Она устала.

— Мы все устали. Но Горзан хотя бы честно говорит, что хочет есть и кого-нибудь пристрелить.

— Он всегда этого хочет.

— Потому и не вызывает подозрений.

Я посмотрел на Андрея.

— Ты что-нибудь заметил?

— Кроме того, что Наташа тебя избегает?

— Она меня не избегает.

Он обернулся. Наташа шла почти в самом конце отряда и внимательно изучала противоположную обочину.

— Конечно. Просто держится на таком расстоянии, чтобы в случае опасности успеть убежать.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Андрей поправил ремень автомата.

— Может, она сама расскажет, когда будет готова.

— А если дело в посохе?

— Тогда Гарзог заметит изменение раньше нас. Он проверяет её каждый вечер.

— Магическую структуру. Не мысли.

— Мысли Наташи он проверит только один раз. Потом она его убьёт.

Я не ответил.

Андрей помолчал и уже серьёзнее добавил:

— Не дави на неё, Лёх. После зиккурата всем нужно время.

— У нас его нет.

— Это не значит, что разговор появится быстрее, если ты будешь спрашивать каждые полчаса.

Он оказался прав. Это раздражало сильнее всего.

Впереди Корнеев поднял руку.

Группа остановилась.

На дороге виднелись свежие следы колёс. Несколько машин прошли в сторону столицы совсем недавно. По обочине тянулись отпечатки армейских сапог.

— Патруль, — определил Корнеев. — Около двадцати человек. Возможно, две машины.

Горзан прикрыл глаза. Над его плечом появился призрачный ворон, взмахнул крыльями и поднялся в небо.

Через несколько секунд валтори указал вперёд.

— Пост за поворотом. Бетонные блоки, грузовик, две огневые точки. Людей больше двадцати.

— Наши? — спросил Андрей.

— Люди.

— Уже неплохо.

Я проверил кобуру и продолжил движение.

До столицы оставалось меньше километра.

Наташа видела, что Алексей снова оглянулся.

Она сделала вид, что смотрит на обочину.

Разговор нужно было закончить. Не про посох и не про лёд. Рассказать всё сразу, пока они ещё находились на дороге и никто не мог им помешать.

«Лёш, я беременна».

Три слова.

Наташа повторяла их про себя с самого зиккурата. Они казались простыми, пока Алексей находился далеко. Тогда можно было представить его реакцию, подобрать ответы, решить, что говорить дальше.

Теперь он шёл всего в нескольких десятках шагов, и простая фраза превращалась в пропасть.

Алексей сначала не поверит.

Потом начнёт винить себя.

После потребует, чтобы она вернулась в Москву, Озёрск или любое другое место, которое покажется ему безопасным. Попытается забрать посох. Назначит охрану. Возможно, даже прикажет Гарзогу не выпускать её из лагеря.

Не потому, что считает её слабой.

Потому что боится.

И именно поэтому спорить с ним будет особенно трудно.

Наташа положила ладонь на живот. Никакого движения она по-прежнему не чувствовала. Слишком рано. Если бы не Анатия и кровная печать, сама Наташа могла ещё долго ничего не узнать.

Теперь же ребёнок присутствовал в каждой мысли.

Когда она поднимала посох.

Когда входила в ледяной источник.

Когда смотрела на Алексея и думала, сколько раз он сможет вернуться после очередного невыполнимого приказа.

Анатия утверждала, что кровный контур не причинил ребёнку вреда. Посох тоже не должен был воздействовать напрямую. Но даже волчица отказалась обещать полную безопасность при частом использовании.

Рассказать об этом Алексею придётся.

Не только о ребёнке.

О том, что оружие может затронуть её тело. О том, что она всё равно взяла его. О том, что узнала о беременности до испытания Скрижали и продолжила путь.

Этого Наташа боялась больше всего.

Не крика.

Разочарования.

Она уже видела, как Алексей смотрел на себя после гибели отряда. Как искал единственное решение, в котором можно было обвинить только его. Если он узнает, что она рисковала ребёнком, то обязательно решит, что должен был остановить её.

И никогда не признает, что выбор принадлежал ей.

Наташа подняла взгляд.

Алексей разговаривал с Андреем. Ключев что-то сказал, и тот недовольно поморщился. Обычная сцена. Почти мирная.

Сейчас.

Нужно сказать сейчас.

Она ускорила шаг.

Впереди Корнеев поднял руку, предупреждая о патруле. Все сразу начали проверять оружие и перестраиваться.

Момент исчез. Наташа остановилась рядом с Титовым и сжала ремень посоха. После поста. Она расскажет после того, как они пройдут пост и доберутся до лагеря. На этот раз обязательно.

Блокпост перегородил дорогу тремя рядами бетонных заграждений. Между ними оставили узкий проезд, перекрытый тяжёлой металлической балкой. По обе стороны стояли мешки с песком, за ними — пулемёты. Чуть дальше виднелся армейский грузовик с крупнокалиберной установкой в кузове.

Солдаты заметили нас заранее.

Никто не открыл огонь, но оружие держали наготове.

Я вышел вперёд один и поднял руку.

— Подполковник Орлов. Сводная группа чрезвычайного назначения.

За заграждением появился старший лейтенант. Молодой, но уже с сединой у висков. Он всмотрелся в моё лицо, затем отдал честь.

— Товарищ подполковник. Ваше сообщение получили. Армия вернулась в столицу пару недель назад.

— Где размещена?

— В восточном полевом лагере, за старой промышленной зоной.

— Кто командует?

Лейтенант помедлил.

— Капитан Миронов.

Имя мне ничего не сказал.

— С какого времени?

— После возвращения группы. Приказ штаба князя.

Мне это не понравилось, но разбираться на дороге не имело смысла.

— Открывайте проезд.

Лейтенант уже собирался отдать команду, когда один из солдат рядом с пулемётом заметил Гарзога.

— Товарищ старший лейтенант...

Командир поста перевёл взгляд за мою спину.

Только теперь он по-настоящему рассмотрел валтори.

Гарзог возвышался над людьми почти на две головы. Даже после долгого похода и без тяжёлого доспеха он выглядел так, будто мог разобрать блокпост голыми руками. Оранжевая кожа и глаза, огромный топор за спиной.

Горзан казался меньше брата, но спокойствия не добавлял. Особенно с арбалетом, руны которого продолжали тускло светиться.

Старший лейтенант отступил на шаг.

— Известные существа! Оружие к бою!

Солдаты среагировали мгновенно.

Затворы щёлкнули почти одновременно. Пулемёт развернулся в нашу сторону.

Гарзог медленно положил ладонь на рукоять топора.

— Убери руку, — приказал я.

— Они направили оружие.

— Я заметил.

Горзан снял арбалет с плеча.

— Их немного.

— Даже не думай.

— Я только посчитал.

Андрей встал между братьями.

— Господа, предлагаю не начинать знакомство с убийства. Это создаёт плохое первое впечатление.

— Всем стоять! — крикнул старший лейтенант. — Известным сложить оружие и выйти вперёд! Они будут задержаны до установления происхождения!

— Это валтори, — сказал я.

— Кто?

— Народ из другого мира.

— Значит, пришельцы.

— Технически мы все для кого-нибудь пришельцы, — вмешался Андрей.

Я не обернулся.

— Помолчи.

— Уже молчу.

Лейтенант смотрел то на меня, то на валтори.

— Товарищ подполковник, после нападений крылатых действует приказ задерживать всех неизвестных существ. Особенно вооружённых.

— Гарzog и Горзан входят в состав моего отряда и находятся под моей личной ответственностью.

— В списках их нет.

— Значит, внесёте.

— Я обязан доложить в штаб.

— Докладывайте. А оружие прикажите опустить.

Лейтенант сжал челюсти.

— До ответа штаба они останутся здесь.

Я подошёл к заграждению.

— Старший лейтенант, мои полномочия подтверждены Советом князей и имперской печатью. Я только что отдал прямой приказ. Если хотите его оспорить, назовите имя и звание полностью. Я внесу отказ в рапорт.

Несколько секунд он молчал.

За его спиной пулемётчик держал палец возле спуска. Гарzog не убрал руку с топора. Ещё немного — и обычная проверка закончится перестрелкой.

Наконец старший лейтенант повернулся к солдатам.

— Оружие опустить.

Стволы медленно ушли в сторону.

Гарzog тоже отпустил топор.

Горзан опустил арбалет последним.

— Недружелюбные, — произнёс он.

— Они впервые видят валтори, — ответил я.

— Теперь увидели. Могут начинать дружить.

Старший лейтенант услышал, но сделал вид, что нет.

Он подошёл к полемому телефону, несколько минут разговаривал со штабом, назвал мои данные и описал спутников. Судя по его лицу, на другом конце тоже не знали, как поступить.

Наконец лейтенант вернулся.

— Проход разрешён. Валтори должны оставаться вместе с вашим отрядом и не входить во внутренние районы столицы без отдельного согласования.

— Они направляются в мой лагерь.

— Тогда препятствий нет.

Металлическая балка поднялась.

Мы прошли между бетонными заграждениями. Солдаты провожали Гарzoga и Горзана взглядами. Один незаметно перекрестился. Другой отступил подальше, когда Гарzog оказался рядом.

Андрей догнал меня уже за постом.

— Неплохо встретили.

— Могло быть хуже.

— Конечно. Могли потребовать заполнить документы на ввоз двух валтори.

Горзан шёл следом.

— Я слышу.

— Тогда запоминай. Если кто-нибудь спросит, ты ручная кладь.

— А Гарzog?

Андрей оглянулся на массивного воина.

— Негабаритный груз.

Гарzog посмотрел на него сверху вниз.

— Я могу помочь тебе стать компактнее.

— Вот видишь, Лёх? Уже осваивает таможенные правила.

На этот раз улыбнулась даже Наташа.

Совсем немного.

Но я заметил.

От блокпоста дорога разделялась. Основная уходила к городским воротам, вторая огибала старую промышленную зону и вела к полевым лагерям. Мы свернули на восток.

Через двадцать минут показались первые палатки.

Их было слишком мало.

Я остановился на краю лагеря.

Перед вылетом в горы здесь размещалось больше шестисот человек. Палатки занимали почти всё поле. У ремонтных площадок стояли грузовики и два восстановленных бронетранспортера. Между рядами постоянно кто-то двигался, таскал ящики, чистил оружие, спорил из-за снабжения или пытался понять, к какому подразделению теперь относится.

Теперь большая часть поля опустела.

На земле остались светлые прямоугольники примятой травы. Кое-где торчали одинокие колышки, тянулись оборванные верёвки. Ремонтные навесы разобрали. Стоянка техники была пустой, если не считать грузовика без переднего колеса и старого УАЗа с поднятым капотом.

У палаток находилось не больше сотни солдат.

Часть занималась оружием, остальные разгружали ящики из двух машин, недавно вернувшихся с патрулирования. На рукавах и бронежилетах виднелись разные знаки старых гарнизонов.

Андрей медленно оглядел поле.

— Вот стоило ненадолго уйти в поход...

Я промолчал.

— Всё разговорали, — закончил он. — Демоны, наверное.

— Демонов здесь нет, — сказал Гарzog.

— Тогда местные постарались.

К нам уже направлялся офицер.

Мужчина лет сорока с обветренным лицом и аккуратно подстриженной бородой. Форма сидела хорошо, но знаки подразделения на рукавах недавно отпорол: остались только более тёмные участки ткани.

Он остановился передо мной и отдал честь.

— Капитан Миронов. Временно исполняющий обязанности командира сводной группы.

— Кто назначил?

— Штаб князя Волкова.

— Мой приказ получили?

— Так точно. После сообщения о разгроме передового отряда и вашей команды на отход я собрал людей и вернулся в столицу.

— Почему не дождались меня на прежней базе?

— В приказе было сказано возвращаться в город и ждать дальнейших распоряжений.

— Верно.

Обвинять его было не в чем.

Я посмотрел на пустой лагерь.

— Где остальные?

Миронов словно ждал этого вопроса.

— Распределены по приказу штаба княжества.

— Куда именно?

— Бывших военнотружущих вернули в городские подразделения. Добровольцев разделили между внутренней охраной и ополчением. Связистов отправили на узлы связи, механиков — в ремонтные мастерские. Медиков распределили по госпиталям. Часть людей несёт службу на южном продовольственном маршруте и в деревнях.

— На каком основании расформировали мою группу?

Капитан не отвёл взгляда.

— После гибели капитана Соколова командование отсутствовало. Вы находились вне связи. Штаб князя заявил, что чрезвычайные полномочия не отменяют территориального подчинения в отсутствие назначенного командира.

— А вы?

— Прибыл из северного гарнизона уже после вашего ухода. Был старшим по званию среди оставшихся офицеров. Штаб назначил меня командовать теми, кого не распределили.

— Сколько их?

— По списку сто четыре человека. Шестеро сейчас в госпитале. Двадцать восемь патрулируют западные деревни. Остальные находятся здесь.

Чуть больше сотни.

Из шестисот.

— Почему оставили именно вас?

— Князю нужен мобильный резерв для внешнего патрулирования. Эти люди служили в пограничных гарнизонах и лучше городского ополчения умеют действовать небольшими группами. Мы проверяем деревни, сопровождаем продовольственные обозы и уничтожаем одиночных тварей.

— То есть вы подчиняетесь Волкову?

— Оперативные приказы поступают из его штаба.

Миронов отвечал спокойно. Не оправдывался и не пытался показать, что ему нравится новое положение.

— Где техника? — спросил я.

— Передана на центральную стоянку.

— Вся?

— Последний исправный БТР, четыре грузовика, две ремонтные машины и топливозаправщик. Повреждённый транспорт остался здесь.

Андрей заглянул под капот стоявшего рядом УАЗа.

— Очень великодушно. Даже колесо оставили.

Миронов посмотрел на машину.

— Колесо сняли для ремонта другого автомобиля.

— Тогда всё понятно. Государственный подход.

— Боеприпасы? — спросил я.

— На городских складах.

— Топливо?

— Там же.

— Продовольствие?

— Получаем по заявкам на три дня.

Андрей закрыл капот.

— Лёх, хорошая новость. Палатки пока наши.

— Не все, — заметил Миронов. — Большую часть вернули интендантской службе.

Андрей посмотрел на меня.

— Грамотные демоны. Даже палатки учли.
Несколько солдат неподалёку улыбнулись, но сразу вернулись к работе.
Я прошёл между оставшимися рядами.
Люди узнавали меня. Кто-то вытягивался, кто-то просто кивал. В их взглядах было облегчение, но вместе с ним — ожидание.
Они выполнили приказ.
Вернулись в столицу.
Ждали меня.
А за время ожидания их подразделение разобрали на части.
— Соппротивление было? — спросил я, когда Миронов догнал меня.
— Несколько сержантов отказались отдавать машины. Гвардия князя окружила стоянку.
Я остановился.
— Стреляли?
— Нет. Я приказал подчиниться.
— Правильно.
Он удивился.
— Не ожидали?
— Ожидал, что вы не станете убивать людей из-за техники. Но хочу знать всё, что произошло.
— Гвардейцы показали распоряжение с печатью Волкова. Техника требовалась для защиты города. Без прямой связи с вами у меня не было оснований начинать конфликт.
— Теперь связь есть.
Миронов посмотрел на меня внимательнее.
— Вы собираетесь вернуть группу под своё командование?
— Она из него не выходила.
— В штабе Волкова считают иначе.
— Поэтому я поговорю с князем.
Мы дошли до командной палатки. Внутри стояли складной стол, две койки, рация и металлический шкаф с документами. Карта княжества висела на деревянном щите. На ней были отмечены маршруты патрулей и посты вокруг деревень.
Красные отметки продолжали появляться даже после закрытия разлома.
Второе гнездо оставалось.
А где находился Жнец, не знал никто.
— Можно собрать людей обратно? — спросил я.
Миронов задумался.
— Тех, кого передали в регулярные подразделения, быстро не отпустят. Добровольцев придётся искать по всему городу. Некоторые уже получили постоянные назначения. Специалисты нужны мастерским и госпиталям.
— Если будет приказ?
— Тогда два-три дня. Возможно, больше.
— Мне нужны точные списки. Кого куда отправили, кто отдавал распоряжения, сколько техники и снаряжения приняли склады.
— Документы здесь.
Он открыл шкаф и достал толстую папку.
Андрей присвистнул.
— Смотри-ка. Не разграбление, а полноценная административная операция.
— Каждая передача оформлена, — сказал Миронов.
— Я же говорил: грамотные демоны.

Гарzog вошёл в палатку боком, чтобы не задеть плечом стойку. Осмотрел пустые койки, шкаф и папку в моих руках.

— Князь забрал твоих воинов.

— Временно распределил.

— Забрал.

— С оформлением, — добавил Андрей.

Горзан заглянул из-за спины брата.

— У вас бумага делает грабёж законным?

— Не всегда, — ответил я.

— А здесь?

Я перелистнул первые страницы.

Приказы Волкова были составлены безупречно. Ни одного прямого нарушения. После разгрома передовой группы князь усилил оборону столицы, распределил оставшихся без командира людей, принял технику на хранение и создал мобильный резерв.

Он не распустил мою армию.

Не арестовал офицеров.

Не отказался выполнять распоряжение Совета.

Просто сделал так, чтобы вернуть собранные силы можно было только с его разрешения.

— Здесь выясним после разговора, — сказал я.

Наташа стояла у входа в палатку. Она не участвовала в обсуждении и почти не слушала Миронова. По крайней мере, так казалось.

Когда наши взгляды встретились, она коснулась ремня сумки.

— Лёш, нам нужно поговорить.

— О посохе?

Наташа помедлила.

— Не только.

Я закрыл папку.

— Сейчас?

Она посмотрела на людей вокруг: Андрея, валтори, Миронова и бойцов, проходивших между палатками.

— Лучше наедине.

Я хотел предложить выйти, но снаружи раздался звук двигателя.

К палатке подъехал открытый армейский автомобиль. Из него вышел офицер в форме личной гвардии Волкова. За рулём остался солдат, ещё двое разместились сзади.

Гвардеец вошёл без приглашения, увидел Гарзoga и замер. Рука дёрнулась к кобуре, но он быстро взял себя в руки.

— Подполковник Орлов?

— Перед вами.

Он отдал честь.

— Князь Вячеслав Игоревич Волков требует немедленно прибыть в резиденцию.

— Требуется или приглашает?

Офицер выдержал мой взгляд.

— Просит прибыть для доклада о результатах операции.

— Вот теперь звучит лучше.

— Машина ждёт.

Я посмотрел на Наташу.

Она уже снова спрятала всё за спокойным выражением лица.

— После разговора с Волковым, — сказал я. — Обещаю.

— Хорошо.

Наташа отступила в сторону.

Мне показалось, что она хотела остановить меня. Её ладонь на мгновение легла на живот, но почти сразу вернулась к ремню посоха.

Я решил, что дело в усталости.

— Андрей, идёшь со мной.

— А у меня был выбор?

— Нет.

— Тогда зачем каждый раз произносишь моё имя так, будто пре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.